

DOI: 10.31857/S0130386425030148

© 2025 г. А.А. АВДАШКИН

КЫРГЫЗСКАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ (2005–2020): ОТ «ТЮЛЬПАНОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» ДО ПАНДЕМИИ COVID-19

Авдашкин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (Пермь, Россия), доцент Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

E-mail: adrianmaricka@mail.ru

Scopus Author: 57212146426; ORCID: 0000-0001-8169-2755; Researcher ID: ABF-7475-2021

Аннотация. Интенсивность миграционного обмена между Кыргызстаном и Россией значительно усилилась после «тюльпановой революции» 2005 г. В этот период, с одной стороны, возросла потребность экономики РФ в трудовых ресурсах, с другой – важным выталкивающим населением фактором в Кыргызстане стала политическая нестабильность. Внимание автора фокусируется на изучении основных особенностей трудовой миграции из этой центральноазиатской страны в Россию и формирования транснационального сообщества кыргызстанцев с 2005 по 2020 г. (начало пандемии коронавируса в РФ). Данные вопросы не получили широкого освещения в отечественной историографии. Настоящая работа призвана частично восполнить этот пробел. Ключевая цель исследования – комплексный анализ трудовой миграции из Кыргызстана в Россию. Основой источниковой базы исследования являются материалы архивного фонда Федеральной миграционной службы (ФМС) РФ, данные Национального статистического комитета Кыргызской Республики и отчеты Международной организации миграции (МОМ) по Кыргызстану. Анализ указанных источников позволяет определить количественные и качественные параметры кыргызской миграции (включая показатели, связанные с получением гражданства РФ) и выявить основные проблемы, порожденные стремительным ростом притока выходцев из Кыргызстана в Россию после «тюльпановой» и Апрельской (2010) революций. Хотя в рассматриваемый период российская экономика несколько раз пережила ощутимый спад, следствием чего являлось сокращение объемов миграции из Центральной Азии, сложившиеся транснациональные связи между Россией и Кыргызстаном демонстрировали устойчивость и адаптивность. Это подтверждается численностью мигрантов из Кыргызстана, получивших гражданство РФ, а также долей денежных переводов в структуре ВВП Кыргызстана.

Ключевые слова: трудовая миграция, Кыргызстан, Россия, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), транснациональная миграция, миграционная политика, диаспорные исследования, денежные переводы.

A.A. Avdashkin

Kyrgyz Migration to Russia, 2005–2020: From the Tulip Revolution to the COVID-19 Pandemic

Andrey Avdashkin, Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm, Russia), Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia).

E-mail: adrianmaricka@mail.ru

Scopus Author: 57212146426; ORCID: 0000-0001-8169-2755; Researcher ID: ABF-7475-2021

Abstract. This study examines migration flows between Kyrgyzstan and Russia during a period marked by a steady increase in the number of labour migrants from Central Asia, while political instability in Kyrgyzstan remained a major push factor. Although these migration trends have been addressed in recent historiography, they have often been analysed in a limited or fragmented manner. This paper provides a comprehensive analysis of migration from Kyrgyzstan to Russia, drawing upon archival materials from the Federal Migration Service (FMS) of the Russian Federation, statistical data from the National Statistical Committee of the Kyrgyz Republic, and reports from the International Organization for Migration (IOM) on Kyrgyzstan. The study presents both the quantitative and qualitative dimensions of Kyrgyz migration, including trends in the acquisition of Russian citizenship, and highlights key challenges arising from the rapid increase in labour migration following the Tulip Revolution (2005) and the April Revolution (2010). Despite several periods of economic decline in Russia during the period under review, which temporarily reduced migration flows from Central Asia, transnational ties between Russia and Kyrgyzstan remained stable and adaptable. This is evidenced by the sustained employment of Kyrgyz nationals in the Russian economy and the continued significance of remittances as a share of Kyrgyzstan's GDP.

Keywords: labour migration, Kyrgyzstan, Russia, Eurasian Economic Union (EAEU), transnational migration, migration policy, diaspora studies, remittances.

Распад СССР способствовал активизации миграционных процессов в Центральной Азии. В 1990-е годы в большинстве государств региона происходили масштабные перемещения населения, вызванные военными конфликтами и социально-политической нестабильностью. Основные миграционные потоки в данный период направлялись в Россию из Таджикистана, охваченного гражданской войной (1992–1997), и Казахстана, откуда происходил активный отток русскоязычных жителей республики. Количество вынужденных переселенцев из других стран Центральной Азии в РФ было не столь значительным.

В начале XXI в. масштабы трудовой миграции в Россию существенно возросли. Следует отметить, что в каждой из стран региона эти процессы обладали своей спецификой. Несмотря на пристальный интерес ученых к проблеме миграции (в том числе в ракурсе новейшей истории), рассматриваемая тема не получила широкого освещения в историографии¹. В частности, практически отсутствуют исследования, посвященные формированию миграционных связей между государствами Центральной Азии и Россией. Согласно данным Международной организации миграции (МОМ), в РФ проживает одна из самых многочисленных кыргызских общин². Важно отметить, что в период с 2010 по 2020 г. ВВП Кыргызстана практически на треть состоял из денежных переводов трудовых мигрантов, а официальный Бишкек взял курс на участие в ЕАЭС и других интеграционных проектах, что позволило решить ряд вопросов, связанных с положением кыргызских граждан на российском рынке труда.

Вплоть до настоящего времени формирование и развитие кыргызской общины в России в XXI в. не являлись предметом специального исследования в исторической литературе. Представленная вниманию читателя статья призвана частично восполнить этот пробел. Основная цель настоящей работы заключается в комплексном анализе трудовой миграции из Кыргызстана в Россию. Ключевые задачи исследования: рассмотрение вопросов,

¹ См. подробнее: *Schmidt M., Sagynbekova L.* Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27. Iss. 2. P. 111–127; *Фахрутдинов Р.Р., Панченко О.Л.* Миграционная рискогенность как глобальный вызов современности: Россия и Европа // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2022. Т. 13. № 12 (122). Ч. II. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840024074-0>; *Гребенюк А.А., Аleshковский И.А., Максимова А.С.* Перспективы использования «больших данных» для анализа миграционных процессов // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. № 12 (134). Ч. II. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840029686-3>

² *Jeenbaeva J.I., Shakatayev M., Kaparbek uulu Ch., Kiyizbayeva J., Mukhovichova A., Sultanova R.* Report Mapping of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad. Bishkek, 2021. P. 4.

связанных с получением гражданства РФ выходцами из Кыргызстана³, изучение миграционных связей различных регионов этого государства с Россией, а также влияния трудовой миграции на кыргызское общество. Принимая во внимание сложность темы и ограниченный объем статьи, важно подчеркнуть, что в ней раскрыты лишь основные аспекты указанной проблематики.

Необходимость комплексной оценки миграции из Кыргызстана в РФ в период с 2005 по 2020 г. обусловлена возрастающей потребностью российской экономики в трудовых ресурсах и непростой внутривнутриполитической ситуацией в Кыргызстане, где в результате массовых беспорядков трижды за последние 20 лет (2005, 2010, 2020) происходила смена политической власти. Апрельская революция 2010 г. сопровождалась ожесточенными столкновениями на межэтнической почве в южных районах страны, что во многом повлияло на формирование миграционных сценариев кыргызстанцев.

К числу основных причин трудовой миграции из Центральной Азии следует отнести экономический рост в РФ, потребовавший массового притока рабочей силы для развития строительного сектора, торговли и сферы обслуживания⁴. Одной из причин массовых перемещений населения из Кыргызстана являлась политическая нестабильность, связанная с событиями 2005 и 2010 гг. Закрытие государственных границ в 2020 г., вызванное пандемией коронавируса, способствовало формированию условий для создания новой конфигурации миграционных коридоров в Евразии.

Основу источниковой базы исследования составляют архивные документы и статистические данные. Материалы Федеральной миграционной службы (ФМС), хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), содержат сведения о численности кыргызстанцев, получивших гражданство РФ. Изучение архива Всемирного банка позволяет получить представление о динамике ВВП Кыргызстана и доле личных денежных переводов в его структуре. Анализ материалов Национального статистического комитета Кыргызской Республики и МОМ дает возможность выявить основные качественные и количественные параметры трудовой миграции из этой страны. Большинство указанных источников до настоящего времени или не вводились в научный оборот, или использовались избирательно, оставаясь за рамками исследований в области истории миграции на постсоветском пространстве⁵.

В рамках настоящей работы трудовая миграция из Кыргызстана в РФ рассматривается через призму концепции транснационализма, что позволяет не только фиксировать факты мобильности между двумя странами, но и анализировать процесс развития этого миграционного коридора в исторической динамике⁶.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ ПАРАМЕТРЫ КЫРГЫЗСКОЙ МИГРАЦИИ

Как отмечалось выше, росту трудовой миграции из Кыргызстана в середине – второй половине 2000-х годов способствовали обострение внутривнутриполитической ситуации в республике вследствие «тюльпановой революции» 2005 г. и повышение спроса на рабочую силу в России и Казахстане. Если в 2005 г. ФМС было зафиксировано 16,2 тыс. граждан

³ Официальное название страны с 1991 г. – Кыргызская Республика.

⁴ В 1990-х – начале 2000-х годов рынок труда РФ в указанных сферах пополнялся преимущественно гражданами Украины и Молдовы.

⁵ С перечнем основных исследований по кыргызской миграции можно ознакомиться в следующих работах: *Schmidt M., Sagynbekova L.* Op. cit.; *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Фрайер П.* Опыт изучения киргизской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала // Этнографическое обозрение. 2020. № 3. С. 54–70.

⁶ *Капустина Е.Л., Борисова Е.В.* Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысляя транснационализм и транслокальность / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М., 2021. С. 14–29.

Кыргызстана, официально работавших в России, то в 2008 г. – уже 184 тыс.⁷ Увеличение данного показателя было вызвано формированием сетей поставок и реэкспорта китайских товаров через рынки Дордой (Бишкек) и Кара-Суу (Ош)⁸, активизацией трудовой миграции между двумя государствами, легализацией многих граждан Кыргызстана на российском рынке труда (оформление разрешений на трудовую деятельность, разъяснительная работа с мигрантами и работодателями, налаживание работы территориальных органов ФМС и т.д.).

Кроме того, как отмечает А. Исмаилбекова, «после ожесточенных столкновений между кыргызами и узбеками на юге Кыргызстана в 2010 г. для узбекских общин отправка молодых мужчин в трудовую миграцию являлась эффективной стратегией постконфликтной реконструкции, поскольку позволяла избежать новых стычек с соседями, а самое главное – не допускать преследования со стороны силовых структур Кыргызстана, проводивших оперативную работу по выявлению погромщиков и нарушителей закона»⁹.

Таблица 1

Численность трудовых мигрантов из Кыргызстана в России и других странах в 2005–2020 гг.¹⁰ (тыс. человек)

Страны	2005	2008	2014	2015	2017	2019	2020
Россия	16,2	184,6	224,8	236	640	728	700
Казахстан	н/д	40	н/д	н/д	35	35	35
Турция	н/д	н/д	н/д	н/д	30	30	30
Южная Корея	н/д	н/д	н/д	н/д	5	6,5	6,5
ОАЭ	н/д	н/д	н/д	н/д	3	5,5	5,5
Германия	н/д	н/д	н/д	н/д	5	8,5	8,5

Периодические кризисы в экономике РФ и колебания курсов валют (рубль/доллар, рубль/кыргызский сом), вызванные мировым экономическим кризисом 2008 г., а также введением антироссийских санкций и обострением внешнеполитической ситуации в 2014–2015 гг., способствовали возвращению части трудовых мигрантов на родину и сокращению объемов денежных переводов из России в государства Центральной Азии, в том числе Кыргызстан. Однако, как свидетельствуют данные Всемирного банка, на протяжении всего изучаемого периода денежные переводы составляли значительную долю в структуре ВВП этой страны (см. таблицу 2).

В 2015 г. численность трудовых мигрантов из Узбекистана в РФ в сравнении с 2014 г. сократилась с 1 млн 200 тыс. до примерно 900 тыс., из Таджикистана – с 600 тыс. до 430 тыс. соответственно¹¹. В отношении кыргызстанцев данный показатель за тот же период увеличился с 224,8 тыс. до 236 тыс., что было во многом обусловлено смягчением требований при их трудоустройстве в РФ после вступления Бишкека в ЕАЭС (отсутствие необходимости оформлять патент на право трудовой деятельности, оформление полиса ОМС, упрощенная регистрация и т.д.). Количество административных барьеров для доступа кыргызстанцев

⁷ Ивахнюк И.В. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2009. С. 69.

⁸ Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. Евразийская экономическая комиссия. Аналитический доклад. М., 2018. С. 16.

⁹ Ismailbekova A. Coping Strategies: Public Avoidance, Migration, and Marriage in the Aftermath of the Osh Conflict, Fergana Valley // Nationalities Papers. 2013. Vol. 41. Iss. 1. P. 109–127.

¹⁰ Таблица составлена автором на основе следующих источников: Кыргызская Республика: два года... С. 62; Kudaiberdieva S. Pandemic vs. Migration: No More Work Abroad for Kyrgyzstanis? // Cabar-Asia. 12.02.2021. URL: <https://cabar.asia/en/pandemic-vs-migration-no-more-work-abroad-for-kyrgyzstanis> (дата обращения: 23.03.2025).

¹¹ Шербакова Е.М. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года // Демоскоп Weekly. 2021. № 901–902. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php> (дата обращения: 23.03.2025).

на российский рынок труда значительно сократилось. Основываясь на анализе результатов серии глубинных интервью с рабочими из Кыргызстана, Т. Гербер и Д. Зависка отмечали, что мигранты из этой страны оценивали отношение к себе россиян как более благожелательное, чем к гражданам Таджикистана и Узбекистана¹². В 2013 г. денежные переводы из России, отправленные трудовыми мигрантами в Узбекистан, составили 7,8 млрд долл., в Таджикистан – 3,9 млрд, в Кыргызстан – 2,1 млрд. К 2015 г. эти показатели уменьшились почти в два раза для Узбекистана и Таджикистана и лишь на одну треть для Кыргызстана¹³.

Таблица 2

ВВП Кыргызстана и доля денежных переводов в его структуре в 2005–2020 гг.¹⁴

	ВВП (млрд дол)	Доля денежных переводов в ВВП (в %)
2005	2,4	12,7
2006	2,83	16,7
2007	3,8	18,5
2008	5,14	23,8
2009	4,69	20,9
2010	4,79	26,4
2011	6,2	27,6
2012	6,61	30,8
2013	7,34	31,1
2014	7,47	30
2015	6,68	25,3
2016	6,81	29,3
2017	7,7	32,3
2018	8,27	32,5
2019	9,37	25,7
2020	8,27	29,3

Признавая наличие некоторого сходства в экономическом и социальном положении выходцев из разных государств Центральной Азии, приехавших на заработки в Россию, важно осознавать, что мигранты (в зависимости от страны исхода и многих других факторов) формируют собственный набор приоритетов в выборе сферы занятости, способов освоения заработанных денежных средств, организации сетей социальной поддержки и т.д. До пандемии коронавируса среди кыргызстанцев доля работающих в сфере обслуживания была выше (26,2%), чем среди мигрантов из Таджикистана (13%) и Узбекистана (16%)¹⁵. Занятость в сфере услуг и торговли предполагает мобильность, более сложные и вариативные стратегии формирования социальных связей и трудовых коллективов, что служило дополнительным стимулом социальной фрагментации сообщества кыргызских мигрантов. Относительно высокие доходы и наличие возможности самостоятельно решать многие повседневные проблемы без опоры на этнические сети взаимной поддержки снижали актуальность создания общественных организаций кыргызской диаспоры. Не случайно

¹² Gerber T.P., Zavisca J. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: ethnic hierarchies, geopolitical remittances, and the relevance of migration theory // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 36. Iss. 1. P. 61–82.

¹³ Eraliev S., Urinboev R. Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia // Current History. 2020. Vol. 119. P. 259.

¹⁴ Kyrgyz Republic // World Bank Group. URL: <https://data.worldbank.org/country/kyrgyz-republic> (дата обращения: 23.03.2025).

¹⁵ Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда до пандемии // Социологические исследования. 2022. № 1. С. 67.

многие исследователи отмечали факт социальной разобщенности кыргызов в РФ¹⁶. Данная проблематика будет подробнее рассмотрена ниже.

ФОРМИРОВАНИЕ КЫРГЫЗСКОЙ ОБЩИНЫ

По данным ФМС, в 2010 г. в России действовали 804 национально-культурных организации. Из них 105 азербайджанских, 98 армянских, 49 таджикских и 48 узбекских¹⁷. Общественные объединения, созданные представителями других этнических групп, принимавших участие в миграции на территорию России, не фигурируют в документах ФМС. Между тем в 2009 г. в различных регионах РФ функционировали более 20 кыргызских организаций¹⁸, наиболее известными из которых являлись центр «Достук» в Красноярске, созданный в 2000 г., и союз «Кыргызстан–Урал», действующий в Екатеринбурге с 2008 г. Нелишне предположить, что последние не упоминались в материалах ФМС или в силу их сравнительной малочисленности, или вследствие того, что в фокусе ксенофобских установок россиян в рассматриваемый период находились преимущественно выходцы с Северного и Южного Кавказа. Одним из основных направлений деятельности территориальных органов ФМС в конце 2000-х – начале 2010-х годов являлось взаимодействие с общественными объединениями, представляющими интересы народов этих регионов.

В. Рагет и Б. Усмалиева, Э. Насритдинов и Р. Рахимов на основе анализа ряда исследований отмечают социальную разобщенность кыргызов в РФ, их критическое отношение к деятельности диаспоральных организаций, отсутствие интереса к событиям на родине¹⁹. Как подчеркивает С.Д. Джанызакова, «кыргызские мигранты создают разветвленные сети отношений поверх государственных границ, проживая словно в двух мирах, “здесь” и “там”, осуществляя множественное планирование своего будущего»²⁰. Существенную роль в формировании этих сетей играет родовая и региональная идентичность мигрантов. Большинство выходцев из Кыргызстана по прибытии в РФ стремятся трудоустроиться и найти жилье в тех районах Москвы (и других городов РФ), где уже проживают их родственники или земляки. Постепенно в таких местах возрастает концентрация мигрантов из тех или иных регионов страны. При этом наблюдается процесс отчуждения от формирующихся семейных или «земляческих» сетей поддержки приезжих из других районов Кыргызстана.

Формирование кыргызской общины в РФ следует рассматривать в контексте напряженных дискуссий (ведущихся в стране исхода) о том, что такое «кыргызская идентичность», каковы параметры этнокультурного самоопределения кыргызов в условиях противоречий между «Севером» и «Югом», религиозной и светской частью общества и т.д. Не следует забывать и о различиях между «настоящими кыргызами» и «кыргызами, забывшими свой язык и культуру». Невольными участниками этих дискуссий, заложниками указанных противоречий часто становятся как лидеры национально-культурных объединений, так и трудовые мигранты. Вопрос о содержательном наполнении понятия «кыргызская идентичность» по-прежнему является предметом оживленной полемики в публичном пространстве современного Кыргызстана. Отсутствие определенности в данном вопросе, зачастую болезненные реакции на приписывание тех или иных статусов, будь то «северяне» или «южане», «киргизы» или «кыргызы», представители того или иного региона, локальной общины – все это не способствует выработке

¹⁶ Более подробно см.: *Насритдинов Э., Рахимов Р.* Транснациональная идентичность киргизских трудовых мигрантов в России // *Жить в двух мирах: переосмысляя транснационализм и транслокальность* / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М., 2021. С. 202–232.

¹⁷ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 10349. Оп. 1. Д. 345. Л. 30.

¹⁸ *Лукашова И.В., Макенбаева И.Д.* Воздействие мирового экономического кризиса на трудовую миграцию из Кыргызстана в Россию: качественный обзор и количественное исследование. Бишкек, 2009. С. 105–106.

¹⁹ Подробнее см.: *Ruget V., Usmanalieva B.* Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan // *Problems of Post-Communism*. 2011. Vol. 58. Iss. 6. P. 48–60; *Насритдинов Э., Рахимов Р.* Указ. соч.

²⁰ *Джанызакова С.Д.* «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // *Сибирские исторические исследования*. 2019. № 3. С. 72–86.

согласованных представлений об идентификации кыргызских мигрантов, находящихся в РФ, и сглаживанию противоречий между выходцами из разных областей Кыргызстана.

ПОЛУЧЕНИЕ ГРАЖДАНСТВА РФ И РАССЕЛЕНИЕ МИГРАНТОВ

После распада СССР миграция играла чрезвычайно важную роль не только в восполнении естественной убыли, но и численном приросте населения России. Хотя значительную часть переселенческого притока в РФ из Центральной Азии составляли выходцы из Казахстана, на определенных исторических этапах активизировалась миграция из других государств региона, в частности из Кыргызстана. По оценкам Государственной миграционной службы при правительстве Кыргызской Республики, в период с 1992 по 2018 г. свыше 570 тыс. кыргызстанцев получили гражданство РФ²¹. Следует отметить, что значительную часть из них составляли представители таких этнических групп, как русские, украинцы, белорусы, узбеки и т.д. Как отмечалось выше, в рассматриваемый период политическая нестабильность в Кыргызстане способствовала активизации миграционных процессов и увеличению числа выходцев из этой страны, получивших российское гражданство.

Так, по данным ФМС, в период с 1992 по 2006 г. гражданами РФ стали 249 тыс. мигрантов из Кыргызстана. При этом более 47% из их числа (118 тыс. человек) обрели новую родину в 2002–2006 гг., после принятия Государственной Думой Федерального закона «О гражданстве РФ», в частности, предписывающего замену паспортов советского образца (в результате многие кыргызстанцы принимали гражданство РФ для легализации своего положения в стране пребывания). Увеличению численности соискателей российского гражданства способствовала крайне сложная политическая и экономическая ситуация в Кыргызстане. В 2010 г. из 111,3 тыс. новых граждан РФ 34,8 тыс. являлись мигрантами из этой страны (для сравнения: в том же году гражданство РФ получили лишь 20,4 тыс. казахстанцев)²². Аналогичные данные за 2011 г. представлены в документах ФМС более детально. Столь заметное увеличение числа кыргызстанцев, получивших гражданство РФ в эти годы, во многом было обусловлено политическими последствиями Апрельской революции. К 2020 г. (верхняя хронологическая граница настоящего исследования) наблюдалось снижение данного показателя (см. таблицу 3).

Таблица 3

Количество лиц, принятых в гражданство Российской Федерации в 2011, 2016–2020 гг. (в тыс.)²³

Прежнее гражданство	2011	2016–2020
Кыргызстан	41,2	38,7
Казахстан	21,7	187
Узбекистан	5,7	92
Украина	5,5	678,8
Армения	5,4	104,6
Таджикистан	5	146,1
Азербайджан	3,8	49,7
Молдова	2,1	69,5
Беларусь	1,4	18,7
Грузия	0,8	Нет данных
др. страны	35,8	Нет данных
Без гражданства	Нет данных	35,4
Итого	134,9	

²¹ Авдашкин А.А. Киргизская диаспора в регионах России: транснационализм и проблемы мигрантов // Quaestio Rossica. 2023. № 4. С. 1470. DOI: 10.15826/qr.2023.4.858

²² ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 345. Л. 65.

²³ Таблица составлена автором на основе следующих источников: ГАРФ. Ф. 10349. Оп. 1. Д. 420. Л. 63; Кузнецова Е.В. Культурно близкие прошли паспортизацию // РБК. 19.05.2020. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/05/22/Sec275b89a79477d077274b8> (дата обращения: 23.03.2025).

В. Рагет и Б. Усманалиева на основании анализа материалов обширных полевых исследований выявили ряд противоречивых установок, характерных для выходцев из Кыргызстана, натурализовавшихся (или планировавших натурализоваться) в РФ. Даже несмотря на получение гражданства другого государства, мигранты зачастую были убеждены в своем возвращении на постоянное место жительства на родину (жизнь «здесь» и «там»). Так, по данным исследовательского проекта «Картирование кыргызской диаспоры», около 66% респондентов заявили о желании вернуться в Кыргызстан при условии сокращения уровня коррупции в стране²⁴. С одной стороны, мигранты декларируют готовность вносить вклад в развитие Кыргызстана, с другой – не принимают участия в парламентских и президентских выборах и не следят за развитием политической ситуации в стране, родном городе или районе. Для некоторых из них характерно чувство стыда за происходящее сегодня в Кыргызстане. В то же время, регулярно отправляя заработанные денежные средства своим семьям, большинство мигрантов гордятся собственным вкладом в улучшение уровня их жизни. Решение о приобретении гражданства нередко носило ситуативный характер и было обусловлено стремлением к сокращению издержек, связанных с трудовой миграцией и более эффективной организацией транснационального образа жизни²⁵.

В изучаемый период подавляющее большинство кыргызских трудовых мигрантов в РФ составляли выходцы из южных областей страны (Ошская, Баткенская и Джалал-Абадская). В этих районах практически не имелось других источников доходов, кроме сельского хозяйства, сезонных заработков и участия в транзите товаров из КНР в другие государства²⁶. До пандемии COVID-19 основными центрами притяжения кыргызских мигрантов в РФ являлись Москва и Московская область, а также ряд городов Урала и Сибири²⁷, в частности Екатеринбург, расположенный на пересечении железнодорожных путей, идущих из Кыргызстана и Китая. По неофициальным данным за 2009 г., свыше 5 тыс. кыргызских мигрантов в Свердловской области были заняты в челночном бизнесе и обслуживании рыночного комплекса «Таганский ряд» в Екатеринбурге²⁸. Как следствие, именно в этом городе сосредотачивалось основное количество кыргызстанцев, прибывавших на территорию Уральского федерального округа и в более поздний период²⁹. Кыргызские мигранты играли важную роль в челночном бизнесе и распространении китайских товаров в Челябинске³⁰ и многих городах Сибири (Красноярск, Иркутск, Новосибирск и др.).

ЭФФЕКТЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Миграционный обмен между Кыргызстаном и Россией породил ряд серьезных социальных вызовов для обеих стран (некоторые из них еще нуждаются в осмыслении). Перед Москвой и Бишкеком стоит задача поиска наиболее эффективных способов их преодоления. Трудовая миграция оказала положительное влияние на многие стороны жизни кыргызского

²⁴ Коллектив проекта собрал 1439 анкет в режиме онлайн в социальных сетях с помощью рассылки электронной почтой и по ссылке на веб-страницу Survey Monkey с 28 января по 3 марта 2021 г. Исследование проводилось под эгидой МОМ в РФ, Казахстане, Турции, Катаре и ряде стран Европы. Подробнее см.: *Jeenbaeva J.I., Shaketayev M., Kaparbek uulu Ch., Kiyizbayeva J., Mukhovichova A., Sultanova R.* Op. cit. P. 34.

²⁵ *Ruget V., Usmanalieva B.* Citizenship, Migration and Loyalty towards the State: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan // *Central Asian Survey*. 2008. Vol. 27. Iss. 2. P. 129–141; *Idem.* How Much Is Citizenship Worth? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Kazakhstan and Russia // *Citizenship Studies*. 2010. Vol. 14. Iss. 4. P. 445–459.

²⁶ *Мкртчян Н.В., Сарыгулов Б.А.* Миграция в современном Кыргызстане // *Демоскоп Weekly*. 2011. № 481–482. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/tema04.php> (дата обращения: 15.03.2025).

²⁷ См.: *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Фрайер П.* Указ. соч.

²⁸ *Лукашова И.В., Макенбаева И.Д.* Указ. соч. С. 40; Трудовая миграция и продуктивное использование человеческих ресурсов. Кыргызская Республика. Отчет Международной организации труда. Бишкек, 2009. С. 20.

²⁹ *Алдашкин А.А.* Указ. соч. С. 1464–1476.

³⁰ Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 1879. Оп. 1. Д. 85. Л. 101–102.

государства и общества. Внешние денежные переводы, доля которых в структуре ВВП Кыргызстана составляла от 12,7% в 2005 г. до 29,3% в 2020 г.³¹, способствовали значительному повышению уровня жизни многих домохозяйств, стимулировали рост внутреннего потребления товаров и услуг³². Специфика источников, к сожалению, не позволяет выявить точную долю переводов из РФ за рассматриваемый период по годам. По некоторым данным, она составляла около 85–90% от общего числа³³.

В то же время миграция многих граждан Кыргызстана в РФ способствовала длительному и крайне болезненному (как для «уехавших», так и для «остающихся») разрыву семейных связей³⁴. Наиболее уязвимой группой оказались дети. В данном контексте важно напомнить, что в постсоветские десятилетия Кыргызстан переживает естественный прирост населения в 2–3% ежегодно. Если в 2019 г. численность населения страны оценивалась в 6 млн 389 тыс. человек, то уже к началу 2020 г. она составила 6 млн 523 тыс.³⁵ Особенно интенсивный демографический рост наблюдался в южных районах Кыргызстана, которые являются основным источником рабочей силы для внешних рынков. Так, в 2010–2020 гг. естественный прирост населения страны составил 1 млн 249 тыс. человек. 43% этого показателя пришлось на Ошскую (292 тыс.) и Джалал-Абадскую (249 тыс.) области³⁶.

До пандемии COVID-19 ни одна государственная структура Кыргызстана не занималась сбором систематических данных о детях трудовых мигрантов и не осуществляла контроль за условиями их жизни и воспитания. По некоторым оценкам, до 277 тыс. детей в Кыргызстане оставались на попечении родственников и знакомых во время пребывания одного или двух родителей в трудовой миграции³⁷.

По данным исследования *Life in Kyrgyzstan*, домохозяйства Кыргызстана практически не использовали денежные средства, полученные переводами из РФ, для инвестиций в образование детей. Наличие возможностей для участия в трудовой миграции, занятия челночным бизнесом и пополнения рядов неквалифицированной рабочей силы фактически обесценивало усилия, необходимые для обучения в колледжах или университетах³⁸. Воздействие этого «круговорота» или «ловушки» бедности на все сферы жизни страны еще лишь предстоит оценить.

Болезненный переход к рыночной экономике и внутриполитические кризисы 2005 и 2010 гг. активизировали миграцию жителей южных (Ошская, Джалал-Абадская и Баткенская) областей Кыргызстана не только за пределы страны, но и в ее северные регионы (Иссык-Кульская долина и Бишкек), что способствовало обострению конкуренции за ограниченные ресурсы (рабочие места, земля, вода, жилье и т.д.). Следствиями этих процессов стали усиление размежевания между «местными» и «приезжими», «южными» и «северными» кыргызами и возрастание напряженности в межэтнических отношениях. В 2010 г. в районах со значительным узбекским населением (Ошская область) произошли столкновения на национальной почве.

³¹ Kyrgyz Republic.

³² *Isabaeva E.* Leaving to Enable Others to Remain: Remittances and New Moral Economies of Migration in Southern Kyrgyzstan // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. Iss. 3–4. P. 541–554; *Zhunusova E., Herrmann R.* Development Impacts of International Migration on “Sending” Communities: The Case of Rural Kyrgyzstan // *The European Journal of Development Research*. 2018. Vol. 30. P. 871–891.

³³ Из России в Кыргызстан в 2024 году перевели почти \$2,8 млрд // *Vesti.kg*. 18.02.2025. URL: <https://vesti.kg/zxc/item/135784-iz-rossii-v--kyrgyzstan-v-2024-godu-pereveli-pochti-usd2-8-mlrd.html> (дата обращения: 23.03.2025).

³⁴ *Critelli F.M., Lewis L.A., Yalim A.C., Ibraeva J.* Labor Migration and Its Impact on Families in Kyrgyzstan: a Qualitative Study // *Journal of International Migration and Integration*. 2021. Vol. 22. P. 907–928.

³⁵ Национальный состав населения // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. URL: <http://www.stat.kg/ru/opendata/category/312/> (дата обращения: 23.03.2025).

³⁶ Там же.

³⁷ Анализ пробелов в доступе к основным видам услуг для детей, затронутых миграцией в Кыргызстане. 2020. ЮНИСЕФ. Бишкек, 2020. С. 12; *Critelli F.M., Lewis L.A., Yalim A.C., Ibraeva J.* Op. cit.

³⁸ *Wang D., Hagedorn A., Chi G.* Remittances and Household Spending Strategies: Evidence from the Life in Kyrgyzstan Study, 2011–2013 // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2021. Vol. 47. Iss. 13. P. 3015–3036.

С момента обретения независимости Кыргызстан проводит активную политику репатриации и устанавливает контакты с этническими кыргызами за пределами страны, в частности используя возможности диаспоральных организаций. Официальный Бишкек предпринимает осторожные шаги по налаживанию взаимодействия с кыргызскими общинами Китая, Узбекистана и России. При этом власти Кыргызстана опасаются массовой репатриации из этих государств, поскольку приток мигрантов может дестабилизировать обстановку в ряде районов со смешанным этническим населением. Переселение кыргызских беженцев из Таджикистана в 1990-е годы в эти районы способствовало обострению конкуренции за ресурсы. Наблюдался процесс стигматизации приезжих в качестве «чужих», «таджиков»³⁹. Следует отметить, что в ходе публичных обсуждений проблем, связанных с положением соотечественников, проживающих за пределами страны, обостряется полемика относительно вопроса о том, «кто кыргыз, а кто нет». Информанты, с которыми работал С. Парэм, отмечали высокомерное отношение к себе после переезда на родину, обвинения в том, что они «полукыргызы, засоряют кыргызский язык, искажают традиции» и т.д.⁴⁰

Внешние и внутренние миграции сократили долю кыргызского населения в ряде регионов, в частности в Ошской области. Естественный прирост в других этнических группах⁴¹ способствовал изменениям в балансе населения, что вызывало напряженные политические дебаты о содержании понятия «кыргызская идентичность». Например, когда граждане соседнего Таджикистана приобретали или арендовали земельные участки, хозяйственные строения и жилые дома в приграничных районах Кыргызстана, в частности в Баткенской области, считалось, что на эти земли претендовали «чужие». Как отмечает М. Ривз, «следствием данных процессов является “ползучая миграция”, способствующая существенному росту социальной напряженности и обострению межэтнических отношений»⁴² (включая традиционные споры за земельные участки и источники воды). Это чревато возможностью новых конфликтов и усилением миграции из Кыргызстана в РФ (см. таблицу 4).

Таблица 4

Национальный состав населения Кыргызстана в 2011–2020 гг.⁴³

Наименование показателей	2011	2016	2020
Все население	5 477 620	6 019 480	6 523 529
Кыргызы	3 928 796	4 393 057	4 804 369
Русские	394 680	360 580	344 950
Узбеки	785 977	878 615	964 379
Татары	29 639	27 454	26 732
Казахи	32 900	34 615	36 396
Таджики	47 325	52 729	57 612
Азербайджанцы	17 823	19 630	21 153
Уйгуры	49 721	54 810	59 367
Дунгане	59 994	67 622	73 977
Корейцы	16 938	16 957	17 124
Турки	39 534	42 255	44 773
Другие национальности	39 120	42 710	47 464

³⁹ Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства» в регионе: от диаспоральной политики к программам репатриации // Диаспоры. 2012. № 1. С. 85, 87.

⁴⁰ Parham S. “Rightful” versus “Real” Homelands: Changing Concepts of Kyrgyz Boundaries and Belonging on the China-Kyrgyzstan Frontier // Asian Ethnicity. 2014. Vol. 15. Iss. 3. P. 265–285.

⁴¹ В 2020 г. численность узбеков, проживавших на территории Кыргызстана, увеличилась с 785,9 тыс. до 964,3 тыс. См.: Национальный состав населения.

⁴² Reeves M. Materialising State Space: “Creeping Migration” and Territorial Integrity in Southern Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. Iss. 7. P. 1277–1313.

⁴³ Национальный состав населения.

КЫРГЫЗСКАЯ МИГРАЦИЯ И ПАНДЕМИЯ COVID-19

Анализируя причины разобщенности мигрантов, руководители кыргызских общественных организаций в анонимных интервью для проекта «Картирование кыргызской диаспоры»⁴⁴ отмечали конкуренцию между лидерами за влияние в различных социальных группах (студенты, сезонные рабочие, торговцы и др.). Как показывают исследования, консолидация выходцев из Кыргызстана, проживающих на территории РФ, в целом носит ситуативный характер и, как правило, происходит в рамках региональных или земляческих сетей. Мощным триггером для самоорганизации мигрантов и их более активного взаимодействия стала пандемия COVID-19⁴⁵. Осознание необходимости совместных усилий для преодоления этого вызова (включая сборы пожертвований, гуманитарной помощи и просто взаимовыручку) способствовало сглаживанию многих противоречий в среде выходцев из Кыргызстана.

Пандемия вызвала масштабные ограничения мобильности. Закрытие границ сократило возможности для перемещения мигрантов. К 2020 г. около половины кыргызстанцев, проживавших на территории РФ, находилось в Москве и Московской области: по 14% – в Приволжском и Уральском федеральных округах, 12% – в Сибирском, 7% – в Северо-Западном, 3% – в Дальневосточном, менее 1% – в Южном⁴⁶.

Именно в регионах, связанных с каналами международной миграции, наблюдался наиболее интенсивный рост заболеваемости в первые месяцы проникновения коронавируса в Россию. Меры, предпринятые для замедления пандемии, спровоцировали рецессию, беспрецедентный обвал спроса на нефть и падение доходов стран – экспортеров энергоносителей. Эти процессы негативно отразились на экономике России, осложнив положение трудовых мигрантов. По данным МОМ, в середине мая 2020 г. порядка 60% выходцев из Центральной Азии, проживавших в РФ, испытывали сложности с оплатой аренды жилья, а более 40% не имели возможности покупать продукты питания⁴⁷. Сотни тысяч мигрантов (особенно занятых в таких пострадавших от кризиса сферах, как строительство, общепит и розничная торговля) по разным причинам приняли решение о возвращении домой. Оставшиеся рассчитывали переждать кризис, опасаясь лишиться возможности вернуться в РФ после введения новых ограничений.

Приостановление регулярного транспортного сообщения во второй половине марта 2020 г. резко ограничило возможности выезда из России. Сотни мигрантов, собравшихся в аэропортах Москвы и других городов страны, более недели провели в ожидании рейсов. Большинство соседних государств (за исключением Белоруссии) закрыли границы. Эвакуационных рейсов оказалось недостаточно. Отсутствие достоверной информации о вариантах пересечения границы препятствовало принятию взвешенного решения относительно отъезда из РФ. Многие мигранты, будучи дезориентированы, добирались до границы с Казахстаном. Однако российская сторона не могла пропустить их, а Казахстан не разрешал транзит через свою территорию⁴⁸. Оказавшись в затруднительном положении на российско-казахстанской границе, мигранты требовали от правительства РФ и стран исхода вернуть их домой. Российские власти предоставили им лагерь для размещения, а казахстанская сторона согласилась открыть транзитный коридор через свою

⁴⁴ Подробнее см.: *Jeenbaeva J.I., Shaketayev M., Kaparbek uulu Ch., Kiyizbayeva J., Mukhovichova A., Sultanova R.* Op. cit. P. 34.

⁴⁵ Ibid. P. 43.

⁴⁶ См.: *Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Фрайер П.* Указ. соч.

⁴⁷ *Murzakulova A., Dessalegn M., Phalkey N.* Examining Migration Governance: evidence of rising insecurities due to COVID-19 in China, Ethiopia, Kyrgyzstan, Moldova, Morocco, Nepal and Thailand // *Comparative Migration Studies*. 2021. Vol. 9. P. 5.

⁴⁸ *Golunov S., Smirnova V.* Russian Border Controls in Times of the COVID-19 Pandemic: Social, Political, and Economic Implications // *Problems of Post-Communism*. 2022. Vol. 69. Iss. 1. P. 71–82.

территорию для проезда в Кыргызстан, однако при условии, что транспорт с мигрантами не будет останавливаться в Казахстане⁴⁹.

Исследования влияния пандемии COVID-19 на поведение различных социальных групп пока немногочисленны. Однако собранные учеными данные свидетельствуют о том, что мигранты из Центральной Азии, в том числе из Кыргызстана, в период распространения коронавируса опирались на стратегии, связанные с высоким уровнем доверия российским государственным институтам и внутригрупповой солидарностью. Дисциплинированность в соблюдении карантинных ограничений была обусловлена стремлением избежать контактов с сотрудниками правоохранительных органов и не осложнять дальнейшее пребывание в РФ. Практики взаимопомощи и перераспределение даже скромных ресурсов (нередко при помощи WhatsApp, Telegram, мгновенных денежных переводов и иных сервисов) позволяли мигрантам предотвратить социальную катастрофу⁵⁰. Помощь нуждающимся оказывали посольства, представители национально-культурных организаций и волонтеры. В целом в период пандемии кыргызстанцы придерживались той же стратегии поведения, что и другие мигранты из стран Центральной Азии.

* * *

В рассматриваемый период Кыргызстан являлся не только одним из основных источников притока рабочей силы в РФ, но и крупным логистическим хабом для продвижения китайских товаров на крупные рынки российских городов. Доходы трудовых мигрантов позволили снизить уровень бедности и сформировать динамичное транснациональное пространство, синхронизированное с циклами российской экономики и социально-политической ситуацией в стране исхода. В то же время зависимость от денежных переводов привела к появлению в Кыргызстане «ловушки бедности», препятствующей формированию инновационной институциональной среды и созданию новых рабочих мест в сельских районах.

Опыт политических переворотов и коллективного насилия, в том числе связанного с событиями в южных районах Кыргызстана в 2010 г., является фактором, определяющим социальную замкнутость кыргызстанцев, а также трансляцию противоречий, сегментирующих общество на родине, на отношения внутри кыргызской диаспоры в РФ. По этой причине в вопросах регулирования трудовой миграции и адаптации в принимающей стране не получалось в полной мере задействовать такой ресурс, как кыргызские общественные организации. Как правило, выходы из Кыргызстана, отправлявшиеся на заработки в РФ, руководствовались прагматическими мотивами, связанными с поиском новых экономических возможностей и стремлением избежать участия в вероятных конфликтах в стране исхода. Последнее представлялось особенно актуальным для мигрантов узбекского происхождения (из Ошской области).

Одной из основных особенностей кыргызской миграции в РФ в рассматриваемый период являлся ее «региональный» характер: на заработки отправлялись преимущественно жители сельских районов Ошской, Баткенской и Джалал-Абадской областей. Не оспаривая положительное влияние описываемых процессов на уровень жизни населения этих территорий, необходимо отметить, что трудовая миграция ощутимо трансформировала семейные отношения, переопределила социальные и гендерные иерархии. В частности, женщины не только получили возможность осваивать денежные переводы, но и были вынуждены взять на себя большую ответственность за жизнь домовладения, чаще опирались на старших родственников при воспитании детей и т.д.

⁴⁹ Murzakulova A., Dessalegn M., Phalkey N. Op. cit. P. 8.

⁵⁰ Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 488–511.

Для поддержки и социальной защиты мигрантов России и Кыргызстану необходимо выработать комплекс мер. В частности, внедрение онлайн-сервисов и приложений для оформления документов и поиска работы могло бы снизить потенциальную нагрузку на миграционные службы. Расширение возможностей цифровой платформы «Работа без границ», позволяющей осуществлять поиск вакансий в странах ЕАЭС, также частично способствовало бы решению проблемы трудоустройства. Централизованное информирование мигрантов и работодателей с помощью таких сервисов позволит пресекать распространение недостоверных сведений, предотвращать в случае чрезвычайных ситуаций, схожих с пандемией коронавируса, возникновение временных лагерей в непредназначенных для этого местах. Другими актуальными задачами являются организация и отработка двусторонних практик выездных рейсов на случаи ЧС и локдаунов, обеспечение гарантий оказания социальной и медицинской помощи мигрантам в ситуациях, аналогичных карантину 2020 г.

Для дальнейшего приращения исторического знания о кыргызской миграции в постсоветский период представляется важным сфокусировать внимание на следующих исследовательских вопросах: в какой мере климатические и санитарные факторы влияли на мобильность кыргызстанцев, как формировались и развивались государственные институты, регулирующие миграцию между Кыргызстаном и Россией, наконец, в чем заключалось ее воздействие на этнодемографический облик обеих стран.

Библиография / References

Авдашкин А.А. Киргизская диаспора в регионах России: транснационализм и проблемы мигрантов // *Quaestio Rossica*. 2023. № 4. С. 1464–1476. DOI: 10.15826/qr.2023.4.858

Анализ пробелов в доступе к основным видам услуг для детей, затронутых миграцией в Кыргызстане. 2020. ЮНИСЕФ. Бишкек, 2020.

Габдрахманова Г.Ф., Сагдиева Э.А., Фрайер П. Опыт изучения киргизской миграции в постсоветской России: стратегии, практики, формы капитала // *Этнографическое обозрение*. 2020. № 3. С. 54–70.

Гребенюк А.А., Алишковский И.А., Максимова А.С. Перспективы использования «больших данных» для анализа миграционных процессов // *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2023. Т. 14. № 12 (134). Ч. II. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840029686-3>

Джанызакова С.Д. «Здесь и там» в мигрантских историях выходцев из Кыргызстана в России (случай Томска) // *Сибирские исторические исследования*. 2019. № 3. С. 72–86.

Ивахнюк И.В. Влияние экономического кризиса на миграционные тенденции и миграционную политику в Российской Федерации и регионе Восточной Европы и Центральной Азии. М., 2009.

Капустина Е.Л., Борисова Е.В. Обзор теоретической дискуссии о концепции транснационализма // «Жить в двух мирах»: переосмысления транснационализм и транслокальность / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М., 2021.

Кузнецова Е.В. Культурно близкие прошли паспортизацию // РБК. 19.05.2020. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/05/22/5ec275b89a79477d077274b8> (дата обращения: 23.03.2025).

Кыргызская Республика: два года в Евразийском экономическом союзе. Первые результаты. Евразийская экономическая комиссия. Аналитический доклад. М., 2018.

Лукашова И.В., Макенбаева И.Д. Воздействие мирового экономического кризиса на трудовую миграцию из Кыргызстана в Россию: качественный обзор и количественное исследование. Бишкек, 2009.

Мкртчян Н.В., Сарыгулов Б.А. Миграция в современном Кыргызстане // *Демоскоп Weekly*. 2011. № 481–482. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/tema04.php> (дата обращения: 23.03.2025).

Мукомель В.И. Среднеазиатские мигранты на российском рынке труда до пандемии // *Социологические исследования*. 2022. № 1. С. 63–75.

Насритдинов Э., Рахимов Р. Транснациональная идентичность киргизских трудовых мигрантов в России // *Жить в двух мирах»: переосмысления транснационализм и транслокальность / под ред. С.Н. Абашина, О.Е. Бредниковой. М., 2021. С. 202–232.*

Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Уязвимые группы в чрезвычайных ситуациях: солидарность и доверие государству как основа стратегий мигрантов в России во время пандемии COVID-19 // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 488–511.

Трудовая миграция и продуктивное использование человеческих ресурсов. Кыргызская Республика. Отчет Международной организации труда. Бишкек, 2009.

Фахрутдинов Р.Р., Панченко О.Л. Миграционная рискогенность как глобальный вызов современности: Россия и Европа // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. № 12 (122). Ч. II. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840024074-0>

Феррандо О. Страны Центральной Азии и их «родственные меньшинства» в регионе: от диаспоральной политики к программам репатриации // Диаспоры. 2012. № 1. С. 66–94.

Шербакова Е.М. Иностранная рабочая сила в России по итогам 2020 года // Демоскоп Weekly. 2021. № 901–902. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php> (дата обращения: 23.03.2025).

Analiz probelov v dostupe k osnovnym vidam uslug dlia detei, zatronutykh migratsiei v Kyrgyzstane. 2020. IuNISEF [Analysis of Gaps in Access to Basic Services for Children Affected by Migration in Kyrgyzstan. 2020. UNICEF]. Bishkek, 2020. (In Russ.)

Avdashkin A.A. Kirgizskaia diaspora v regionakh Rossii: transnatsionalizm i problemy migrantov [Kyrgyz diaspora in the Regions of Russia: Transnationalism and the Problems of Migrants] // Quaestio Rossica. 2023. № 4. S. 1464–1476. DOI: 10.15826/qr.2023.4.858 (In Russ.)

Dzhanyzakova S.D. “Zdes’ i tam” v migrantskikh istoriiakh vykhodtsev iz Kyrgyzstana v Rossii (sluchai Tomsk) [“Here and There” in the Migrant Stories of Natives of Kyrgyzstan in Russia (the Case of Tomsk)] // Sibirskie istoricheskie issledovaniia [Siberian Historical Research]. 2019. № 3. S. 72–86. (In Russ.)

Fakhrutdinov R.R., Panchenko O.L. Migratsionnaia riskogenost’ kak global’nyi vyzov sovremennosti: Rossiia i Evropa [Migration Risk as a Global Challenge of Our Time: Russia and Europe] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational Journal “History”]. 2022. T. 13. № 12 (122). Ch. II. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840024074-0> (In Russ.)

Ferrando O. Strany Tsentral’noi Azii i ikh “rodstvennye men’shinstva” v regione: ot diasporal’noi politiki k programmam repatriatsii [Central Asian Countries and Their “Related Minorities” in the Region: From Diaspora Policy to Repatriation Programs] // Diaspory [Diasporas]. 2012. № 1. S. 66–94. (In Russ.)

Gabdrakhmanova G.F., Sagdieva E.A., Fraier P. Opyt izucheniia kirgizskoi migratsii v postsovetskoi Rossii: strategii, praktiki, formy kapitala [An Experience from Studying Kyrgyz Migration in Post-Soviet Russia: Strategies, Practices, Forms of Capital] // Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]. 2020. № 3. S. 54–70. (In Russ.)

Grebeniuk A.A., Aleshkovskii I.A., Maksimova A.S. Perspektivy ispol’zovaniia “bol’shikh dannykh” dlia analiza migratsionnykh protsessov [Prospects for Using “Big Data” for Analyzing Migration Processes] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel’nyj zhurnal “Istoriya” [Electronic scientific and educational journal “History”]. 2023. T. 14. № 12 (134). Ch. II. DOI: <https://doi.org/10.18254/S207987840029686-3> (In Russ.)

Vakhtniuk I.V. Vliianie ekonomicheskogo krizisa na migratsionnye tendentsii i migratsionnuu politiku v Rossiiskoi Federatsii i regione Vostochnoi Evropy i Tsentral’noi Azii [The Impact of the Economic Crisis on Migration Trends and Migration Policy in the Russian Federation and the region of Eastern Europe and Central Asia]. Moskva, 2009. (In Russ.)

Kapustina E.L., Borisova E.V. Obzor teoreticheskoi diskussii o kontseptsii transnatsionalizma [Review of the Theoretical Discussion on the Concept of Transnationalism] // “Zhit’ v dvukh mirakh”: pereosmysliia transnatsionalizm i translokal’nost’ [“Living in Two Worlds”: Rethinking Transnationalism and Translocality] / pod red. S.N. Abashina, O.E. Brednikovoi. Moskva, 2021. S. 14–29. (In Russ.)

Kuznetsova E.V. Kul’turno blizkie proshli pasportizatsiiu [Culturally Close People Passed Passportization] // RBK [RBC]. 19.05.2020. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2020/05/22/5ec275b89a79477d077274b8> (access date: 23.03.2025). (In Russ.)

Kyrgyzskaia Respublika: dva goda v Evraziiskom ekonomicheskom soiuze. Pervye rezul’taty. Evraziiskaia ekonomicheskaiia komissiia. Analiticheskii doklad [The Kyrgyz Republic: Two Years in the Eurasian Economic Union. First Results. Eurasian Economic Union. An Analytical Report]. Moskva, 2018. (In Russ.)

Lukashova I.V., Makenbaeva I.D. Vozdeistvie mirovogo ekonomicheskogo krizisa na trudovuiu migratsiiu iz Kyrgyzstana v Rossiuu: kachestvennyi obzor i kolichestvennoe issledovanie [The Impact of the Global Economic Crisis on Labor Migration from Kyrgyzstan to Russia: Qualitative Review and Quantitative Research]. Bishkek, 2009. (In Russ.)

Mkrtychian N.V., Sarygulov B.A. Migratsiia v sovremennom Kyrgyzstane [Migration in Modern Kyrgyzstan] // Demoskop Weekly. 2011. № 481–482. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2011/0481/tema04.php> (access date: 23.03.2025). (In Russ.)

Mukomel’ V.I. Sredneaziatskie migranty na rossiiskom rynke truda do pandemii [Central Asian Migrants at the Russian Labor Market Before the Pandemic] // Sotsiologicheskie issledovaniia [Sociological Research]. 2022. № 1. S. 63–75. (In Russ.)

Nasritdinov E., Rakhimov R. Transnatsional’naia identichnost’ kirgizskikh trudovykh migrantov v Rossii [Transnational Identity of Kyrgyz Labor Migrants in Russia] // Zhit’ v dvukh mirakh: pereosmysliia transnatsionalizm i translokal’nost’ [Living in Two Worlds: Rethinking Transnationalism and Translocality] / pod red. S.N. Abashina, O.E. Brednikovoi. Moskva, 2021. S. 202–232. (In Russ.)

Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. Uiazvimye grupy v chrezvychainykh situatsiiakh: solidarnost' i doverie gosudarstvu kak osnova strategii migrantov v Rossii vo vremia pandemii COVID-19 [Vulnerable Groups in Emergency Situations: solidarity and trust in the state as the basis for migrant strategies in Russia during the COVID-19 pandemic] // Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny [Monitoring Public Opinion: economic and social changes]. 2020. № 6. S. 488–511. (In Russ.)

Shcherbakova E.M. Inostrannaia rabochaia sila v Rossii po itogam 2020 goda [Foreign Labor Force in Russia Based on the Results of 2020] // Demoskop Weekly. 2021. № 901–902. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2021/0901/barom01.php> (access date: 23.03.2025). (In Russ.)

Trudovaia migratsiia i produktivnoe ispol'zovanie chelovecheskikh resursov. Kyrgyzskaia Respublika. Otchet Mezhdunarodnoi organizatsii truda [Labor Migration and Productive Use of Human Resources. Kyrgyz Republic. International Labour Organization Report]. Bishkek, 2009. (In Russ.)

Critelli F.M., Lewis L.A., Yalim A.C., Ibraeva J. Labor Migration and Its Impact on Families in Kyrgyzstan: a Qualitative Study // Journal of International Migration and Integration. 2021. Vol. 22. P. 907–928.

Eraliev S., Urinboev R. Precarious Times for Central Asian Migrants in Russia // Current History. 2020. Vol. 119. P. 258–263.

Gerber T.P., Zavisca J. Experiences in Russia of Kyrgyz and Ukrainian Labor Migrants: ethnic hierarchies, geopolitical remittances, and the relevance of migration theory // Post-Soviet Affairs. 2019. Vol. 36. Iss. 1. P. 61–82.

Golunov S., Smirnova V. Russian Border Controls in Times of the COVID-19 Pandemic: Social, Political, and Economic Implications // Problems of Post-Communism. 2022. Vol. 69. Iss. 1. P. 71–82.

Isabaeva E. Leaving to Enable Others to Remain: Remittances and New Moral Economies of Migration in Southern Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2011. Vol. 30. Iss. 3–4. P. 541–554.

Ismailbekova A. Coping Strategies: Public Avoidance, Migration, and Marriage in the Aftermath of the Osh Conflict, Fergana Valley // Nationalities Papers. 2013. Vol. 41. Iss. 1. P. 109–127.

Jeenbaeva J.I., Shaketayev M., Kaparbek uulu Ch., Kiyizbayeva J., Mukhovikova A., Sultanova R. Report Mapping of the Kyrgyz Diaspora, Compatriots and Migrants Abroad. Bishkek, 2021.

Kudaiberdieva S. Pandemic vs. Migration: No More Work Abroad for Kyrgyzstanis? // Cabar-Asia. 12.02.2021. URL: <https://cabar.asia/en/pandemic-vs-migration-no-more-work-abroad-for-kyrgyzstanis> (access date: 23.03.2025).

Murzakulova A., Dessalegn M., Phalkey N. Examining Migration Governance: evidence of rising insecurities due to COVID-19 in China, Ethiopia, Kyrgyzstan, Moldova, Morocco, Nepal and Thailand // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9. P. 1–16.

Parham S. “Rightful” versus “Real” Homelands: Changing Concepts of Kyrgyz Boundaries and Belonging on the China-Kyrgyzstan Frontier // Asian Ethnicity. 2014. Vol. 15. Iss. 3. P. 265–285.

Reeves M. Materialising State Space: “Creeping Migration” and Territorial Integrity in Southern Kyrgyzstan // Europe-Asia Studies. 2009. Vol. 61. Iss. 7. P. 1277–1313.

Ruget V., Usmanalieva B. Citizenship, Migration and Loyalty towards the State: a case study of the Kyrgyzstani migrants working in Russia and Kazakhstan // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27. Iss. 2. P. 129–141.

Ruget V., Usmanalieva B. How Much is Citizenship Worth? The Case of Kyrgyzstani Migrants in Kazakhstan and Russia // Citizenship Studies. 2010. Vol. 14. Iss. 4. P. 445–459.

Ruget V., Usmanalieva B. Social and Political Transnationalism among Central Asian Migrants and Return Migrants: A Case Study of Kyrgyzstan // Problems of Post-Communism. 2011. Vol. 58. Iss. 6. P. 48–60.

Schmidt M., Sagynbekova L. Migration Past and Present: Changing Patterns in Kyrgyzstan // Central Asian Survey. 2008. Vol. 27. Iss. 2. P. 111–127.

Wang D., Hagedorn A., Chi G. Remittances and Household Spending Strategies: Evidence from the Life in Kyrgyzstan Study, 2011–2013 // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2021. Vol. 47. Iss. 13. P. 3015–3036.

Zhunusova E., Herrmann R. Development Impacts of International Migration on “Sending” Communities: The Case of Rural Kyrgyzstan // The European Journal of Development Research. 2018. Vol. 30. P. 871–891.